

Кадетскіе корпуса, ихъ невзгоды и нужды.

I.

Въ послѣдніе годы сталъ оживать интересъ къ крѣпко наболѣвшему вопросу о жизни средней школы. Вопросъ этотъ долженъ привлекать пристальное вниманіе, такъ какъ несомнѣнно, что неурядица въ средне-учебныхъ заведеніяхъ будетъ имѣть на судьбу юныхъ поколѣній еще болѣе рѣшающее вліяніе, чѣмъ разстроенное дѣло безпорядочнаго воспитанія въ пошатнувшейся и бродящей современной семьѣ. Мошь націи и государства создается чрезъ воспитаніе и ученіе юношества, и та быстрота, съ которою отражается на жизни народа вліяніе этихъ условій, во всѣ глаза глядитъ на насъ съ бранныхъ полей Ближняго Востока, гдѣ преобразенная Болгарія куетъ свое историческое будущее съ такою же быстротою, съ какою она въ четверть вѣка выковала силу и жизненность своего молодого поколѣнія.

Школами нашими у насъ недовольны рѣшительно всѣ. Бранимъ мы ихъ и въ домашнемъ кругу, и въ печати, и даже въ строкахъ официальной переписки. Особенно яростнымъ нападкамъ подвергаются теперь кадетскіе корпуса: жизнь ихъ и результаты ихъ работы многимъ кажутся изъ рукъ вонъ плохими; въ газетахъ появляются то коротенькія замѣтки, то пространныя обличительныя рѣчи, нерѣдко увѣчающія правду дѣйствительности. Въ большинствѣ такіа филоппики дышатъ страстностью, и часто въ нихъ сквозятъ глу-

бокое незнакомство авторовъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ и сердитая предубѣжденность противъ среднихъ военныхъ школъ. Между тѣмъ, нигдѣ такъ не необходима осторожность и хладнокровіе, какъ въ процессѣ суда надъ школой. Школа это плоть отъ плоти нашей и кость отъ нашихъ костей: дошкольное воспитаніе, полученное дѣтьми въ семьяхъ, жизнь общества съ ея современными печальными особенностями¹⁾, отражаются на работѣ школы самымъ рѣшительнымъ образомъ и своимъ неотвратимымъ вліяніемъ въ значительной мѣрѣ предрѣшаютъ конечный итогъ этой работы: съ другой стороны, постановка ученія и воспитанія, зависящая, конечно, не отъ школы, кладетъ на ея трудъ свою жесткую руку. Стоитъ поэтому пожалѣть, что въ печати рѣдко попадаются отклики заинтересованнаго вѣдомства на выступленія противъ кадетскихъ корпусовъ: общество не можетъ оторгнуть своего вниманія отъ вопроса, даетъ ли дѣятельность корпусовъ результаты, отвѣчающіе цѣлямъ ихъ важнаго назначенія, рѣчи же критиковъ корпуснаго воспитанія и ученія таковы, что способны нарушить спокойствіе не однихъ только родителей кадетъ.

Вотъ сжатый смыслъ оцѣнки дѣятельности кадетскихъ корпусовъ, являющейся, какъ утверждаютъ, мнѣніемъ, сложившимся въ широкихъ кругахъ военнаго общества: кадетскіе корпуса обнаружили свою несостоятельность въ дѣлѣ воспитанія и обученія военнаго юношества, такъ что въ выпускаемыхъ ими, по окончаніи полнаго курса, молодыхъ людяхъ военныя училища не находятъ контингента, подготовленнаго къ сознательному и успѣшному прохожденію военно-образовательнаго курса; оканчивающіе кадеты не приобрѣтаютъ ни скромности въ потребностяхъ, ни выносливости, ни твердой воли, ни рѣшительности, ни даже любви къ своему будущему предназначенію; корпуса не вырабатываютъ въ нихъ ни надлежащаго общаго развитія, ни работоспособности, ни любви къ знаніямъ и не даютъ имъ удовлетворительнаго общаго образованія; значительное число кадетъ въ послѣдніе годы отказывается отъ перевода въ военныя училища и идетъ въ высшія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства.

Корпуса сами знаютъ, что въ смыслѣ спеціальной военной воспитанности, знакомства съ военною службою и жизненною обстановкою войскъ кадеты не находятъ въ воспитывающей ихъ школѣ слишкомъ богатаго клада; что приспособленность кадетъ къ умствен-

¹⁾ См. брошюру «Какъ мы воспитываемъ дома и не воспитываемъ въ семьѣ», 1913 г. Н. П. Попова.

ному труду, общее ихъ развитіе и познанія оставляютъ мѣсто для благихъ пожеланій; добросовѣстно трудясь, корпуса тѣмъ не менѣе видятъ, что имъ не удается оказать своимъ питомцамъ всей полноты педагогической услужливости и жадуютъ выхода изъ этого заколдованнаго круга. Корпусамъ нужны не упреки, а помощь. Рѣшеніе вопроса о томъ, въ чемъ она должна выразиться, и составляетъ главную цѣль настоящаго очерка, являющагося выводомъ изъ непосредственнаго нашего знакомства съ жизнью кадетскихъ корпусовъ.

Вотъ тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ корпусамъ добиться искомымъ результатовъ своей работы: чрезмѣрность предъявляемыхъ къ нимъ требованій; ошибочность установившагося взгляда на общее образованіе; плотность учебныхъ программъ; излишества пріемныхъ требованій; исключительная роль въ учебномъ курсѣ математическихъ предметовъ; недостатокъ у кадетъ времени для самостоятельныхъ занятій; отсутствіе времени для воспитательскихъ бесѣдъ; двойственность руководства воспитаніемъ; отчужденность корпусовъ отъ арміи; чрезмѣрность работъ и прямыхъ обязанностей директора; отсутствіе служебныхъ преимуществъ у военныхъ педагоговъ и друг.

Постараемся послѣдовательно вникнуть въ сущность приведенныхъ причинъ и оцѣнить ихъ значеніе, такъ какъ только послѣ этого явится возможность намѣтить необходимыя преобразованія, назрѣвшія въ жизни кадетскихъ корпусовъ.

Чрезмѣрность требованій. Отъ корпусовъ требуютъ, чтобы въ своихъ выпускныхъ воспитанникахъ они приготовили юношей религиозныхъ, до самопожертвованія преданныхъ Царю и Родинѣ и сознающихъ свой долгъ передъ ними, воспитанныхъ въ любви къ военной службѣ, какъ почетнѣйшему изъ призваній гражданина, сильныхъ тѣломъ и духомъ, физически здоровыхъ, съ твердой волей, смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ, скромныхъ въ своихъ потребностяхъ, обладающихъ прочно усвоеннымъ знаніемъ пройденнаго курса и способныхъ къ самодѣятельности и упорному труду.

Религиозное воспитаніе кадетъ составляетъ предметъ тщательныхъ заботъ средней военной школы. Обладаетъ ли, однако, корпусъ силою такого воспитательнаго творчества, чтобы ему можно было вмѣнить въ обязанность создать религиозность въ каждой кадетской душѣ? Искренняя религиозность, къ несчастью, иногда не дается даже душѣ, жаждущей ея и скорбящей по ней; значить ожи-

даніе, что она вѣдрится въ любомъ сердцѣ по постороннему зову, встрѣтитъ мало удачи. Если дѣти, приходя въ корпусъ, имѣютъ уже то горячее чувство вѣры, которое вселяется въ душу ребенка только искренно-религіознымъ материнскимъ сердцемъ, корпусъ оживить и углубить его. Если же дитя не принесло съ собой этого драгоцѣннаго вклада, самый заботливый религіозно-просвѣтительный трудъ школы не принесетъ пользы.

Во всѣхъ ли, однако, семьяхъ ребенокъ изъ устъ матери съ младенчества слышитъ о Богѣ и вмѣстѣ съ ея нѣжной лаской воспринимаетъ религіозное настроеніе? Не бываетъ ли и такъ, что первымъ наставникомъ въ вѣрѣ для мальчика оказался готовившій его къ экзамену юноша-репетиторъ, можетъ быть, иловѣрецъ, даже не христіанинъ? А кощунственныя поговорки, тощее остроуміе анекдотовъ на сюжеты изъ области религіи—развѣ въ семьяхъ дѣти всегда лишены возможности слышать ихъ?

Намъ припоминается эпизодъ, служащій иллюстраціей сказанному. Вскорѣ послѣ осенняго приѣма малолѣтнихъ, новички были въ церкви корпуса за обѣдней. Одинъ изъ мальчиковъ неудержимо старался уйти съ своего мѣста въ ряду, чтобы стать противъ царскихъ вратъ. На вопросъ воспитателя—зачѣмъ вы бродите, не слѣдуетъ тревожить товарищей во время молитвы—дитя простодушно отвѣтило: я хочу посмотреть, что онъ тамъ дѣлаетъ. Онъ—это священникъ и дѣлаетъ то, о чемъ мальчикъ не имѣлъ понятія. У воспитателя невольно явилась мысль, сколько изъ новичковъ было такихъ, которые подавили въ себѣ подобное желаніе и остались на своихъ мѣстахъ. Религіозный индифферентизмъ это одинъ изъ прогрессирующихъ современныхъ признаковъ, и требовать отъ школы, чтобы всѣ ея питомцы были излечены ею отъ недуга, прививаемаго иногда родной семьей, значить преувеличивать достижимое.

Преданность Царю и Родинѣ—основная черта въ достоинствахъ будущаго офицера; къ счастью, корпуса не слышатъ упрековъ этой сторонѣ своего воспитательнаго воздѣйствія. Все же при оцѣнкѣ работы корпусовъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что дѣятельное патріотическое чувство не можетъ сформироваться окончательно уже въ юношескомъ сердцѣ; оно устанавливается съ возрастомъ и только въ зрѣломъ мужчинѣ, по общему складу его убѣжденій и поступкамъ, можетъ быть оцѣнено по достоинству. Захватывающій душу патріотизмъ зарождается непременно на почвѣ широкаго знакомства съ родной страной, съ жизнью своего народа и его историческими подвигами, иллюстрированными сказаніями о дѣятельности

его великихъ сыновъ. Учебный курсъ школы долженъ подчиняться такому соображенію и обезпечивать педагогическому составу необходимое время для плѣняющихъ юныя сердца бесѣдъ съ учениками. До сихъ поръ корпуса не были поставлены въ такія благоприятныя условія и только съ окончательнымъ осуществленіемъ постепенно вводимыхъ программъ 1911 года, положеніе, можетъ быть, измѣнится нѣсколько въ лучшую сторону. Но и въ этомъ случаѣ не будетъ многое достигнуто: элементарный курсъ русской исторіи попрежнему будетъ медлить съ рѣшимостью привлечь на себя вниманіе кадетъ и предлагать имъ свои услуги съ запозданіемъ до третьяго класса.

II.

Однимъ изъ наиболѣе преувеличенныхъ представляется требованіе, указывающее корпусамъ вселить во всѣмъ воспитанникамъ такую приверженность къ военной службѣ, которая сдѣлала бы невозможными отказы нѣкоторыхъ выпускныхъ кадетъ отъ перевода въ военныя училища и поселила бы въ юношахъ твердое убѣжденіе, что служба въ войскахъ — почетнѣйшее призваніе гражданина.

Сознательную любовь къ службѣ можетъ приобрѣсти не мальчикъ-школьникъ, а дѣятель и то лишь послѣ обнаруженія гармоніи служебныхъ цѣлей, средствъ и обстановки со всѣмъ личнымъ складомъ служащаго. Между тѣмъ кадеты, живя въ корпусахъ, не только не причастны къ военной службѣ, но и изолированы отъ арміи, являющейся сферой военной дѣятельности, и потому могутъ приобрѣсти о ней лишь смутное представленіе; сама же армія не имѣетъ ни обязанности, ни самостоятельнаго желанія знакомить съ собою молодежь средней военной школы. Остаются, такимъ образомъ, отвлеченныя повѣствованія, которыми корпусные воспитатели могутъ располагать для созданія въ своихъ питомцахъ требуемаго признака. Однако, въ нынѣшній вѣкъ надо остерегаться возлагать большія надежды на силу слова; нѣтъ спора, бываютъ рѣчи, которыя способны достигать глубины человѣческаго сердца, но ихъ не удается слышать на каждомъ шагу, а обыкновенныя слова остаются только словами. Намъ не удивляетъ поэтому, что не всѣ выпускные кадеты сродняются съ исключительнымъ взглядомъ на военную службу, тѣмъ болѣе, что слова, которыя они слышатъ о ней у себя въ корпусѣ, не заслоняютъ отъ нихъ очевиднаго смысла тѣхъ случаевъ, когда офицеры, сложившіе съ себя высокое званіе воина и пере-

шедшіе на гражданскую службу, пользуются на ней положеніемъ, болѣе почетнымъ и значащимъ, чѣмъ ихъ бывшіе товарищи, войсковые начальники.

Мы вмѣстѣ съ тѣмъ не видимъ основанія осуждать корпуса за то, что часть ихъ лучшихъ выпускныхъ воспитанниковъ переходитъ въ высшія гражданскія школы. Такое явленіе надо признать естественнымъ, подтвержденіемъ чему служить, между прочимъ, и тотъ на первый взглядъ неожиданный фактъ, что, среди этой порицаемой категоріи молодыхъ людей, мы припоминаемъ даже сына одного изъ бывшихъ выдающихся военныхъ начальниковъ, ставившаго въ большой упрекъ корпусамъ отказъ выпускныхъ кадетъ отъ перевода въ военныя училища. Кадетскіе корпуса не могутъ же рассчитывать поставить свой авторитетъ въ глазахъ воспитанниковъ выше авторитета и желаній ихъ родителей; и если юноши, отказываясь даже отъ влекущей нѣкоторыхъ изъ нихъ военной карьеры, подчиняются указанію семьи и мѣняютъ кадетскую куртку на студенческую тужурку, корпуса не должны краснѣть отъ стыда.

Очень условною и гадательною является мѣра возможности для корпусовъ удовлетворить требованію, чтобы всѣ выпускные кадеты представляли собою юношей, сильныхъ тѣломъ и физически здоровыхъ. Едва ли въ Россіи найдется много семей и, конечно, не найдется ни одной школы, которая бы такъ тщательно и успѣшно заботилась о здоровьѣ и физическомъ развитіи юношества, какъ это дѣлаютъ кадетскіе корпуса; но не забудемъ, что они посвящаютъ эти свои заботы дѣтямъ, попадающимъ на ихъ попеченіе въ возрастѣ 10—12 лѣтъ. Органическіе задатки, которые получены мальчиками отъ родителей, и отраженія дошкольнаго физическаго воспитанія въ семьѣ не остаются при этомъ безмолвными свидѣтелями, но оказываютъ свое вѣское, а иногда и рѣшающее вліяніе на результатъ попеченій школы. Кому приходилось поглядѣть на мальчиковъ, собравшихся въ корпусъ для вступительнаго экзамена, тотъ надолго сохранить испытанное впечатлѣніе. Какими рѣдкими оазисами являются розовыя щеки, широкая грудь и достаточно упитанное тѣло въ этой дѣтской толпѣ худобы, малокровія, блѣдныхъ, зеленоватыхъ лицъ съ темными кругами около лишенныхъ блеска глазъ, съ выдающимися между узкихъ плечъ ключицами и т. п. И какъ рѣшительно эта картина физической слабости и нездоровыхъ наслѣдій грозитъ несообразнымъ упованіямъ непременно найти крѣпкое здоровье въ сильномъ тѣлѣ каждаго выпускнаго кадета, — можно освѣдомиться у корпусныхъ врачей.

Надо признать, что и при такой невыгодной обстановкѣ начала физическаго воспитанія корпуса нерѣдко достигаютъ очень хорошихъ окончательныхъ результатовъ, которые до нѣкоторой степени объясняютъ обращенную къ нимъ чрезмѣрную искательность.

Иное приходится сказать по поводу категорической опредѣленности требованія, повелѣвающаго выпускному кадету быть сильнымъ духомъ, обладать твердой волей, смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ и проч. Другими словами, окончившій курсъ корпуса кадетъ долженъ оказаться совершенно зрѣлымъ мужчиной, съ твердоустановившимися взглядами и прочно сложившимся характеромъ воина.

Мечты, мечты! Въ дѣлѣ воспитанія вообще непримѣнимы категорическія предрѣшенія ожидаемыхъ результатовъ; въ томъ же случаѣ, когда процессъ воспитанія ограниченъ, какъ въ корпусахъ, началомъ періода юношества, такія загадыванія еще менѣе уместны. Формированіе воли и характера совершается подъ множествомъ вліяній, иногда случайныхъ и далеко не всегда подчиненныхъ власти воспитателя; и потому даже родной отецъ, посвятившій себя воспитанію сына, не говоря уже о школьномъ наставникѣ, не можетъ убѣжденно предсказать результатовъ своего труда. Но, если бы на самомъ дѣлѣ руководителю воспитанія и принадлежала рѣшающая роль, и тогда приведенныя требованія не могутъ найти оправданія. Неужели не очевидно, что 17—18-лѣтніе выпускные кадеты еще не взрослые люди, а неуспѣвшая завершить ни физическаго, ни духовнаго формированія зеленая юность, которой предстоитъ отъ многого освободиться, выработать житейскую уступчивость, примириться со многимъ, противъ чего сейчасъ еще возстаетъ ея полудѣтская душа?

Возрастъ выпускнаго кадета, конечно, не тотъ срокъ, когда духовный обликъ человѣка окончательно отливается въ опредѣленную форму; время еще будетъ работать своимъ рѣзцомъ, и изваяніе въ этомъ восковомъ періодѣ подчинится его острію. Нельзя заковывать воспитательную работу корпусовъ обязательными нормами успѣха, тѣмъ болѣе, что и работа эта обставлена далеко не соотвѣтственно съ взыскательной требовательностью, о чемъ рѣчь будетъ впереди.

Тѣмъ, кто слишкомъ щедро расточаетъ упреки кадетскимъ корпусамъ, слѣдуетъ вспомнить, что еще дивный И. А. Крыловъ указывалъ, какъ мы любимъ разсматривать спины въ чужомъ глазу и

не видѣть бревень въ собственныхъ очахъ. Развѣ не на насъ, взрослыхъ, лежитъ вина въ томъ, что мы упрямо ищемъ въ дѣтяхъ того, чего въ нихъ быть не можетъ? Намъ хочется, чтобы выпускные 17—18-лѣтніе кадеты представляли собой зрѣлыхъ и специализированныхъ людей, которымъ достаточно принять присягу, чтобы оказаться взрослыми и, пробывши два года въ военномъ училищѣ, окончательно превратиться въ мужей-воиновъ. Упрямясь въ такомъ заблужденіи, мы уже не заботимся о продолженіи общаго воспитанія бывшихъ кадетъ, послѣ выхода изъ корпусовъ: удаливши изъ курса военныхъ училищъ обще-образовательные предметы, мы то-ропливо фаршируемъ юнкеровъ кутерьмой свѣдѣній изъ области военныхъ знаній, втискиваемъ имъ правила различныхъ уставовъ и, давши испытать на дѣлѣ преимущественно острые концы воинской дисциплины, покрываемъ ихъ плечи офицерскими погонами и посылаемъ въ строевыя части. Тутъ уже никто не думаетъ о воспитательномъ уходѣ за молодежью.

Да не поспѣютъ на насъ нѣкоторые г.г. командиры и старшіе офицеры, если мы вспомнимъ, что холодновата бываетъ ихъ встрѣча съ вновь испеченными товарищами, и если послѣдніе испытываютъ привѣтливость, то значительную ея долю составляетъ помощь въ ихъ борьбѣ съ юношеской робостью передъ грознымъ видомъ баталіона спиртныхъ напитковъ и манящимъ просторомъ зеленыхъ столовъ.

Для трудной и отвѣтственной роли офицера, воспитателя и учителя солдатъ, мы считаемъ готовыми едва знакомыхъ съ жизнью юношей 19—20 лѣтъ; почему же на роли солдатскія мы признаемъ минимальнымъ возрастъ 21 годъ и притомъ, въ людяхъ, призванныхъ изъ массы населенія, проведенныхъ юность не въ четырехъ стѣнахъ закрытой военной школы, а на суровомъ просторѣ жизни, подъ шлифующимъ и закаляющимъ ея воздѣйствіемъ?

Намъ, взрослымъ, очень нравится пренебрегать въ своей служебной работѣ участливой услужливостью и замѣнять ее взыскательной требовательностью. Пора бросить эту дурную манеру, пора примириться съ тѣмъ, что корпуса могутъ дать только юношей, подвергшихся начальной прививкѣ признаковъ, необходимыхъ хорошему офицеру, что военнымъ училищамъ надлежитъ тщательно выращивать эти прививки, продолжая общее воспитаніе своихъ юнкеровъ, которые завершатъ его только въ войсковыхъ частяхъ, опираясь на дружелюбную помощь старшихъ сослуживцевъ.

III.

Пороги корпуснаго ученія. Неумѣренность, отличающая нормы ожидаемыхъ результатовъ кадетскаго воспитанія, составляетъ особенность и учебныхъ требованій; между тѣмъ, корпусъ есть среднее учебное заведеніе, и этимъ совершенно опредѣляется его учебная роль. Средняя школа должна дать оканчивающему ее ученику, во-первыхъ, формальное развитіе, т. е. научить его «быстро и вѣрно усваивать отвлеченныя понятія, разбираться въ сложныхъ задачахъ мышленія, умѣть самостоятельно составить вѣрное и дѣльное сужденіе, выработать ясную, убѣдительную рѣчь и умѣние логично и литературно излагать мысли»; другая часть образовательной услуги средней школы выражается въ снабженіи ученика развитіемъ либо реальнымъ, состоящимъ въ умѣнии ориентироваться и рѣшать вопросы, преимущественно практическіе, либо же гуманистическимъ, заключающимся въ умѣнии понимать и правильно оцѣнивать вопросы духовно-историческаго міра. Суть ученія, разумѣется, въ работѣ мысли, а не въ накопленіи голыхъ знаній, значительная доля которыхъ имѣетъ только служебное значеніе.

Задача общаго образованія настолько сложна, что можетъ быть по силамъ только нормальному въ физическомъ и духовномъ смыслѣ субъекту, обладающему по крайней мѣрѣ средними умственными способностями. Но и такой юноша можетъ съ пользою пройти курсъ средней школы лишь при условіи, если учебный матеріаль не загроможденъ, а ученикъ располагаетъ необходимымъ досугомъ для самостоятельной работы надъ изученіемъ знаній, притомъ еще отвѣчающихъ его индивидуальнымъ склонностямъ.

Постановка учебнаго дѣла въ кадетскихъ корпусахъ далека отъ этого идеала. Главная причина тому заключается въ укоренившемся у насъ уродливомъ взглядѣ на общее образованіе. Требуется, чтобы человѣкъ, получившій его, могъ участвовать въ бесѣдахъ на любыя темы и не казаться неучемъ; поэтому оно должно захватывать все, что было и что происходитъ въ мірѣ и въ исторіи человѣчества; забываютъ, что образованіе не заканчивается въ школѣ и жизнь продолжаетъ его. Подчиняясь такому требованію, корпусный курсъ оснастили 20 учебными предметами, дали кадетамъ на самостоятельную подготовку совершенно недостаточный запасъ времени и заставляютъ воспитанника днемъ, въ теченіе пяти часовъ, отдавать непрерывное вниманіе на пяти урокахъ различнымъ предметамъ, а вечеромъ долбить заданное на завтра.

Не надо думать, чтобы между проходимыми въ корпусахъ учебными предметами были главные и второстепенные: все важно, надо все усвоить. И чтобы интересъ ко всему не могъ ослабѣть, указано давать кадетамъ обязательныя практическія занятія по естественной исторіи, природовѣдѣнію, физикѣ, химіи, космографіи, географіи, назначать задачи по математикѣ, указывать для изученія литературныя образцы и проч.

Все это приводитъ ученика къ необходимости хватать верхушки самыхъ разнообразныхъ знаній, торопливо укладывать мало, а иногда и вовсе непродуманный балластъ въ памяти и стараться закрѣпить его въ ней съ такою прочностью, чтобы имѣть наготовѣ отвѣты на всѣ вопросы, какіе могутъ быть ему предложены учителями. Тотъ ученикъ, который съ одинаковымъ стараніемъ и совершеннымъ безразличіемъ готовъ накопить полную сумму отвѣтовъ на вопросы преподавателей всѣхъ предметовъ, считается наилучшимъ. Въ корпусномъ ученіи царитъ атмосфера непрерывной спѣшности, нервности и лицемѣрія, оставляющая въ туманѣ забвенія истинное значеніе средней школы и ея долгъ.

Какое же просвѣтительное воздѣйствіе окажетъ такой курсъ на учениковъ? «Немудрено, что я въ школѣ питалъ отвращеніе къ наукамъ», каялся одинъ англичанинъ, испытавшій на себѣ вліяніе подобнаго общеобразовательнаго курса, существовавшаго въ англійскихъ колледжахъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. «Вспомни, какъ тамъ насъ учили. Вѣдь наши педагоги пичкали насъ всякимъ нужнымъ и ненужнымъ хламомъ. Подобно акціонерной кампаніи Кука, которая гонитъ партію туристовъ черезъ цѣлый рядъ интересныхъ и неинтересныхъ музеевъ, картинныхъ галлерей и паноптикумовъ, гнали насъ по пути образованія не съ тою цѣлью, чтобы мы чему-нибудь научились, чтобы сдѣлались развитыми и интеллигентными людьми, но чтобы мы могли съ гордостью сказать, что тому-то и тому-то насъ учили въ школѣ. Насъ откармливали всякими знаніями, какъ пасхальнаго гуся»²⁾. Такъ еще и теперь принуждены поступать наши кадетскіе корпуса.

Тягость кадетскаго ученія давно вызываетъ стоны и учащихъ, и учащихся, но въ отвѣтъ появились новыя загроможденія курса; для примѣра укажу, что преподаваніе химіи и механики изъ военныхъ училищъ нашли нужнымъ передать въ корпуса. Оба эти предмета пользовались въ училищахъ ненавистью учащихся и на-

²⁾ Джеромъ К. Джеромъ. «Полю Кольверъ».

всегда маскированной неблагосклонностью многихъ начальствовавшихъ; съ трудомъ постигая крошки химіи и обрывки изъ механики, юнкера звали ихъ сугубыми предметами. Разумѣется, такое обстоятельство не могло быть сколько-нибудь похожимъ на основаніе для передачи отягощавшаго юнкерскія силы учебнаго матеріала на согнутыя спины кадетъ, но передача совершилась; предстояло только создать время для преподаванія въ 7-мъ классѣ корпуса новыхъ знаній.

Вопросъ рѣшенъ былъ просто: отняли по часу урочнаго времени отъ преподаванія двухъ иностранныхъ языковъ, а, чтобы и послѣднихъ не обидѣть, указано кадетамъ развить свою работу по языкамъ въ свободное время. Такой оптическій способъ, надо думать, кого-то удовлетворилъ, но отсюда, конечно, не возникаетъ основанія искать въ немъ другихъ достоинствъ.

Плотность программъ. Легко вымолвить—общее образованіе должно сказать обо всемъ; достигнуть же этого можно только уплотненіемъ программъ. Если даже и очень обширную программу можно изложить коротко, то нельзя этого достигнуть, преображая ее въ руководство; не можетъ вѣдь учебникъ представлять собою голый перечень мыслей и фактовъ, необходимы объясненія, доказательства, иллюстраціи. Это скользкій путь, неизбѣжно приводящій къ пространности, и, чтобы судить о ея размѣрахъ, достаточно сказать, что одинъ изъ учебниковъ по Закону Божию, назначенный для учениковъ 1-го класса, заключаетъ въ себѣ 266 страницъ большого формата; правда, большая часть ихъ содержитъ двоякій текстъ—русскій и славянскій.

Въ 1911 г. Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній составлены новыя учебныя программы корпуснаго курса. Составители имѣли въ виду очищеніе курса отъ излишествъ, рациональное распределеніе учебнаго матеріала и другія улучшения; при осуществленіи этихъ предположеній не было, однако, отказано въ гостепріимствѣ и солиднымъ добавленіямъ, каковы, главнымъ образомъ, свѣдѣнія, относящіяся къ анализу безконечно малыхъ величинъ. Эта постепенно осуществляемая реформа не принесетъ облегченія кадетской работѣ и времени для ея исполненія не прибавитъ.

Другимъ невыгоднымъ слѣдствіемъ нестроты и объемистости учебнаго курса является обширность требованій отъ поступающихъ въ 1-й классъ корпусовъ. Требования эти новыми программами не только не сокращены, но даже расширены включеніемъ знаній по французскому языку приблизительно въ размѣрѣ прежняго курса 1-го класса.

На ростаніе общаго курса создавалось путемъ нагроможденій въ старшихъ классахъ; отсюда вытекало переселеніе въ низшіе классы того, что не умѣщалось въ старшихъ, и такъ послѣдовательно очередь дошла до дѣтей, которыя стоятъ еще у входныхъ дверей корпуса.

Нагружая плечи кадетъ, разрастающіяся программы увеличиваютъ заботы и отвѣтственность корпусовъ и самого центрального вѣдомства, добавка же къ требованіямъ отъ поступающихъ не включаетъ къ себѣ этихъ непріятностей, и къ ней легче склоняется сердце составителя программы. Все же такую мѣру нельзя не упрекнуть въ недостаткѣ предусмотрительности.

Приготовить мальчика къ экзамену въ 1-й классъ является, какъ мы указывали въ другомъ мѣстѣ, непосильнымъ дѣломъ для большинства семей. Всадить въ голову девятилѣтняго ребенка четыре правила ариѳметики (дѣленіе цѣлыхъ чиселъ!), ознакомить съ нѣкоторыми свѣдѣніями изъ русской грамматики, не упустивъ при этомъ внѣдрить въ душу ребенка потребность ставить букву ѣ въ сравнительной степени, добиться отъ дитяти бѣглаго и выразительнаго чтенія съ умѣніемъ пересказать прочитанное, дать нѣкоторыя знанія по французскому языку и систематизировать накопленныя свѣдѣнія изъ области религіи—это ужъ не такая легкая задача. Семьи вынуждаются звать для этого на помощь диллетантовъ-педагоговъ, въ рукахъ которыхъ нѣжный умственный аппаратъ ребенка грубо уродуется съ первыхъ шаговъ ученія, становящагося для мальчика постылымъ еще до вступленія въ школу.

Сказывающійся здѣсь недостатокъ участливости корпусовъ къ своимъ будущимъ воспитанникамъ ложится бременемъ и на работу учебнаго заведенія, такъ какъ оно, принимаясь за продолженіе испорченнаго ученія, вынуждено внести необходимыя исправленія и бороться съ боязливой непріязненностью, съ которой дитя встрѣчаетъ ея учебную услугу. Рациональнѣе было бы понизить вступительныя требованія; еще же лучше, не дѣлая такой уступки, создать при корпусахъ приготовительные классы, которые, конечно, исполнили бы подготовку дѣтей разумно и бережно.

IV.

Преобладаніе математики. Самую тяжеловѣсную причину общей неуспѣшности кадетскаго ученія составляетъ исключительная роль, предоставленная въ курсѣ кадетскихъ корпусовъ мате-

матическимъ предметамъ. Кадеты наши — это predetermined реаллисты, а они непременно должны прослѣдить за курсомъ, въ которомъ математическимъ знаніямъ отведено широчайшее мѣсто. Нельзя спорить противъ того, что математика можетъ служить прекрасной основой для достиженія общаго и реального развитія; но, если учебный курсъ корпуса обреченъ быть курсомъ реальной школы, въ немъ должно оставаться больше простора для гуманистическихъ предметовъ. На дѣлѣ выходитъ иное, такъ какъ искаженное представленіе объ общемъ образованіи тискаетъ въ корпусныя программы разнообразнѣйшія знанія; получается невозможная картина, которую легко себѣ представить, взглянувши на общій списокъ проходимыхъ въ корпусахъ учебныхъ предметовъ. Мы отнюдь не возстаемъ противъ включенія въ корпусный курсъ математическихъ дисциплинъ, но горячо ратуемъ противъ увлеченія ими.

Развѣ могутъ быть найдены доказательства тому, что только одна математика открываетъ торный путь къ формальному развитію? Гуманистическія знанія обладаютъ въ этомъ отношеніи равносильнымъ значеніемъ, а въ смыслѣ воспитательномъ на ихъ сторонѣ окажутся несомнѣнныя преимущества. Достаточно указать на то соображеніе, что суть школьнаго вліянія на учениковъ сосредоточивается въ силѣ воздѣйствія хорошаго учителя; предметы же гуманистическіе несравненно болѣе, чѣмъ математическіе, даютъ даровитому педагогу средствъ развить въ этомъ смыслѣ свой благотворный трудъ. Изученіе родного языка, произведеній его литературы работа съ богатствами историческихъ знаній — неужели-же всему этому остается только ступешаться передъ учебнымъ трудомъ въ математической сферѣ?

Не потому считаемъ мы необходимымъ возражать противъ исключительной роли математики въ кадетскомъ ученіи, что она трудна для большинства учениковъ. Намъ знакома элементарная истина, что «извѣстныя учебныя трудности, требующія напряженія и затраты духовной энергіи, непременно должны сопровождать усвоеніе знаній, и ученіе является воспитательнымъ только тогда, когда оно на ряду съ увеличеніемъ знанія способствуетъ развитію воли и укороненію стойкости въ характерѣ человѣка». Мы настаиваемъ лишь на томъ, что школьныя трудности должны быть избраны изъ области, которая родственна душѣ ученика и отвѣчаетъ складу его способностей; только такія трудности возбуждаютъ дѣятельную мысль, пріохочиваютъ къ познанію, а не убиваютъ влеченія къ нему и не приводятъ въ ужасъ.

Корпусъ, давая кадетамъ общее образование, долженъ согласовать его съ запросами предстоящей имъ спеціальной дѣятельности. Но почему бы изъ этого слѣдовало, что всѣмъ кадетамъ необходима самая широкая математическая подготовка? Развѣ всѣ они — будущіе военные инженеры, геодезисты или артиллеристы-техники? Не предстоитъ ли большинству изъ нихъ имѣть дѣло съ живымъ человѣкомъ, а не составлять проекты построекъ, орудій, снарядовъ и проч.? Смѣемъ думать, что въ области военнаго дѣла духовный элементъ занимаетъ обширное мѣсто, но въ сферѣ духа функціональныя связи пока еще не поддались никакимъ количественнымъ сопряженіямъ, и потому при рѣшеніи относящихся сюда задачъ даже и анализъ безконечно-малыхъ величинъ не окажетъ услуги, которой, наоборотъ, можно ожидать со стороны гуманистическихъ знаній.

Немало горя влечетъ за собой необъяснимая гегемонія математики. Многіе мальчики, успѣшно справлявшіеся въ младшихъ классахъ съ учебной работой, дойдя до 3-го класса, обнаруживаютъ, что математика не ихъ стихія, что по недостатку нѣкоторыхъ спеціальныхъ особенностей духа они изнемогутъ въ борьбѣ съ встрѣчаемыми въ ней затрудненіями. Въ 4-мъ классѣ, гдѣ систематическіе курсы алгебры и геометріи отвлекаютъ львиную долю вечернихъ занятій, эти недавно хорошіе ученики ощущаютъ все большій недочетъ времени для приготовления уроковъ, извѣриваются въ достаточности своихъ силъ и способностей, начинаютъ бояться математики и вскорѣ получаютъ къ ней злобное отвращеніе.

На этой почвѣ создается анатія, мысль о бесплодности учебнаго труда, класная скука и лѣнь, прогрессирующая неудержимо. Для этихъ учениковъ и ихъ учителей складываются тяжелыя условія, влекущія за собою рядъ компромиссовъ и нарушеніе послѣдовательной и воспитывающей требовательности. Плохіе по математикѣ ученики начинаютъ засиживаться въ классахъ, постепенно становятся, по выраженію нѣмцевъ, *altfaul*, приобрѣтаютъ обидное опредѣленіе лѣнтяя, которое, въ сущности, не можетъ быть поставлено имъ въ упрекъ. Многіе изъ нихъ вскорѣ оказываются принужденными покинуть корпусъ; если же, благодаря счастливому стеченію случайностей, и доплетутся съ ничтожнымъ результатомъ духовнаго прогресса до выпускныхъ экзаменовъ, то на окончательныхъ испытаніяхъ преподаватели математики примѣняютъ къ горемыкамъ безграничную снисходительность, подрывающую достоинство ученія и уваженіе къ нему воспитанниковъ.

Чтобы дать понятіе о трудности, какую представляет курсъ математики большинству кадетъ, мы приведемъ здѣсь свидѣтельство одного весьма опытнаго преподавателя, не только пользовавшагося большимъ расположеніемъ воспитанниковъ, но и имѣвшаго сильное вліяніе на слушателей. «Воспоминанія, которыми дѣлились со мною бывшіе мои ученики, всегда служили мнѣ указателями необходимыхъ корректуръ моего педагогическаго труда; но одна сторона этихъ воспоминаній заставила меня особенно задуматься. Вотъ, что мнѣ пришлось услышать: когда вы, бывало, объясняли урокъ и иллюстрировали его такъ интересовавшими насъ примѣрами изъ жизни, душа сочувствовала вашему слову, и умъ, казалось, улавливалъ точную правду разсужденій. Но уходили вы, и все заволакивалось туманомъ, содержаніе и убѣдительность вашихъ рѣчей куда-то уплывали, и бодрое чувство удовлетворенія отъ сознанія одержанной разумомъ побѣды таяло. А вечеромъ, когда приходилось вчитываться въ строки учебника, тѣ самыя мысли, которыя въ вашемъ присутствіи казались уже родными, становились холодными, непрístupными, чужими. Такъ бывало всегда: мы съ удовольствіемъ ожидали вашего урока и съ жадностью внимали вашему слову, но жуткое чувство опасенія за непрочность хорошихъ впечатлѣній бывало неотступно съ нами».

Математическая основа ученія вполне отвѣчаетъ средствамъ и интересамъ сильныхъ и одаренныхъ спеціальными способностями воспитанниковъ; они настолько овладѣваютъ ею, что, продолжая образованіе въ артилерійскихъ и инженерномъ училищахъ, не слышатъ упрековъ въ недостаткѣ подготовленности, а тѣ изъ нихъ, кто по окончаніи корпуса направляется въ высшія гражданскія школы, на суровомъ вступительномъ конкурсѣ въ большинствѣ случаевъ одерживаютъ побѣду. Выводъ отсюда ясный: корпусный курсъ посиленъ только даровитымъ юношамъ и неодолимъ для среднихъ и слабыхъ. Въ этомъ безусловный порокъ, напрасно навязанный средней военной школѣ и дѣлающій ее безцѣльно неучастливой и жестокой. Грѣхъ творять тѣ, кто забываетъ, что «лучше сдѣлать школьныя требованія слишкомъ легкими для отличныхъ учениковъ, чѣмъ недоступными для средняго уровня».

Бѣднаго вопроса о преобладаніи математики въ курсѣ кадетскихъ корпусовъ намъ пришлось коснуться еще на воспитательскомъ съѣздѣ въ 1908 году³⁾. Сочувствіе многихъ участниковъ собранія къ вы-

³⁾ Труды перваго съѣзда офицеровъ-воспитателей. Стр. 108, 109.

сказанному нами взгляду давало намъ надежду на возможность нѣ-котораго смягченія неограниченности власти господствующей группы учебныхъ предметовъ. Однако, надеждѣ нашей суждено было потерпѣть крушеніе съ изданіемъ новыхъ программъ 1911 года; вотъ, какія строки мы читаемъ въ ихъ общихъ замѣчаніяхъ: «г.г. преподавателямъ слѣдуетъ проникнуться тѣмъ, всѣми въ настоящее время признаннымъ, положеніемъ, что общеобразовательный курсъ математики вполнѣ соотвѣтствуетъ силамъ средняго ученика и что такъ называемые неспособные къ математикѣ представляютъ крайне рѣдкое исключеніе». Отдавая должное авторитету составителей упомянутыхъ программъ, мы, однако, не согласимся съ такимъ взглядомъ и принуждены присоединиться къ мнѣнію такого мірового авторитета, какъ А. Пуанкаре, недавно умершій членъ французской Академіи Наукъ. Вотъ, что онъ говорилъ: «Прежде всего мы должны были бы удивляться, если бы это не явилось для насъ столь обыденнымъ: какимъ образомъ могутъ существовать люди, неспособные къ математикѣ? Почему же существуетъ такъ много людей, совершенно неспособныхъ къ ней?» «Послѣ нѣкоторыхъ размышленій кажется изумительнымъ, что не всѣ могутъ понимать математическія доказательства въ моментъ ихъ изложенія. А между тѣмъ большинство людей въ состояніи лишь съ трудомъ слѣдить за этими доказательствами; это неоспоримо, и опытъ преподавателей среднихъ школъ, конечно, не будетъ противорѣчить этому». Давая объясненіе этимъ фактамъ, А. Пуанкаре указываетъ, что особое чувство «интуиція математическаго порядка, которая заставляетъ отгадывать гармонію и скрытыя соотношенія, не можетъ быть общимъ достояніемъ. Одни, и такихъ огромное большинство, не владѣютъ ни указаннымъ тонкимъ, трудно опредѣлимымъ, чувствомъ, ни выдающеюся силой памяти и вниманія и потому неспособны вовсе понимать математику, хотя немного возвышенную» ⁴⁾. Думается, что въ этихъ словахъ великаго мыслителя ясно формулированъ заслуженный приговоръ чрезмѣрнымъ претензіямъ математической программы корпуснаго ученія и преобладанія математики въ курсѣ средней военной школы.

Ж. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁾ Анри Пуанкаре. Математическое творчество. 1909 г. Юрьевъ.